

peter ranke

Игры под водой

18+

peter ranke
Игры под водой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63215608

SelfPub; 2020

Аннотация

На видеокамеру засняли обсуждение войны и мира в Донбассе сильными мира сего. И флешка попадает в руки ополченца. Как он ею распорядится? И долго ли проживет? А тут еще хронический неудачник подвалил, сбежавший от тюрьмы на фронт. Ему выбирать, что страшнее: погибнуть от пули или жениться на той, с кем переспал на студенческой вечеринке?

peter ranke

Игры под водой

peter ranke – это псевдоним, скрывающий двух человек: известного Писателя и его соавтора, Участника описываемых событий. Главным условием издания было соблюдение тайны авторства. Материалы, задействованные в книге, все еще актуальны, поэтому Писатель вынужден был скрыть свое имя тоже, чтобы через него соответствующие спецструктуры не смогли выйти на его соавтора. Участник событий, хоть и находится за границей, все еще подвергается опасности.

**СКАЖА МНЕ, МАТЬ РОССИЙСКОГО СОЛДАТА
ТЫ ВЫРАСТИЛА СЫНА ДЛЯ ВОЙНЫ?**

М. Миколайчук.

Подводный мир на глубине пяти метров кажется синева-то-зеленым из-за фитопланктона, в обилии живущего в Адриатическом море. Стаи сардин, скумбрии, макрели, пеламид и тунцов питаются этими простейшими, торопливо проплывая через прибрежные заросли бурых, красных и зеленых водорослей. Морские ежи и мелкие крабы прячутся в их колышущейся тени, сливаясь с дном. Подводный мир не бывает неподвижен. Здесь все движется, плавно и мерно, живет

и дышит.

И люди входят в общий ритм. Их четверо. На голове у каждого из них капюшон и маска с очками, одеты они в плотно облегающие гидрокостюмы, на ногах – моноласты. Двое из них плывут, по-змеиному извиваясь крепкими тренированными телами, еще двое терпеливо ждут возле условных мест-ориентиров, слегка шевелясь в воде, наподобие розоватых водорослей, обвивающих полосатые ориентиры – тонкие и длинные. Их контрольные буи, прикрепленные к поясам, зависли в легком колыпании над головой, там, где светит призрачное и удивительно близкое солнце сквозь толщу воды.

Идет командная игра в подводное ориентирование. По правилам глубина воды в этом виде спорта не должна превышать двух метров, но эти люди пишут правила сами.

Вот двое плывущих миновали свою зону, соединились с ожидающими их товарищами, и вчетвером прошли третий ориентир, скрутили планки, выпустили их на поверхность и пошли к финишу, огибая последнюю зону. Все. Маршрут был пройден, и аквалангисты начали быстро всплывать.

Вода над головой становилась прозрачней, а мир – выше и легче. Мгновение – и головы аквалангистов вынырнули на поверхность. Подплыв к металлическим резным лестницам, мужчины отвели от губ дыхательные трубки, подтянулись, выкатили на площадку акваланги с приборами, сели на ступеньки и стали снимать моноласты. Получив воз-

возможность двигаться по суше, они поднялись на зацементированную площадку и коротко переговариваясь, подошли к легким пляжным креслам, четыре из которых было уже занято их товарищами, сидевшими в одних плавках: загоревшими и крепкими от частого посещения спортзала и курортов. Заняв еще четыре кресла, пловцы расположились переодеваться.

Расстегивая молнию на груди и стягивая капюшоны, они посмотрели на ожидающих.

– Думаю, 1:1 – полуспросил, полуутвердил сидевший в кресле мужчина, невысокий и полноватый. Невыразительные черты лица с легкой небритостью делали его похожим на Уинстона Черчилля.

– Да. Все прошли маршрут чисто, – ответили ему, и он согласно кивнул.

– Отлично. Тимофей все приготовит к следующему разу, – говоривший поднял голову и обернулся, выразительно посмотрев на стоявшего позади человека в светло-коричневой форме охранника.

Тот, отвечая на взгляд, молча кивнул и отступил, выражая готовность исполнить распоряжение.

Мужчины, их было всего восемь, поднялись: кто медленно и лениво, а кто спортивно и пружинисто. Вместе, общей небольшой толпой, они двинулись вверх по вырубленным в скале ступеням к открытой двери стоящего недалеко дома. Это был задний вход в длинное двухэтажное здание из боль-

ших, хорошо притертых друг к другу каменных плит. Архитектура его говорила о древности постройки. Все: и резные дубовые двери, и полукруглые прорези окон напоминало о временах рыцарей и монахов. Камни дышали стариной. Иллирийцы, римляне и греки ходили по ним еще до того, как они попали в руки камнетесов. Вулкан и славяне уничтожили древнюю цивилизацию. На острове, на серых гранитных скалах когда-то приносили жертвы морю. Потом гранит помыли, почистили и сделали из него основание для алтаря. Здание было построено из этого же серого гранита. Каждая плита могла рассказать свою историю. Но людей интересовала только реальность. Давно уже никто не прислушивался к старым камням.

Мужчины, один за другим, вошли в узкую прорезь двери и попали в полутемный коридор с плохо оштукатуренными панелями, ведущий к винтовой мрачной лестнице. Небольшие лампы дневного света тускло освещали мрачное помещение.

– Нельзя что ли осовременить дизайн? – раздраженно заметил высокий светловолосый мужчина. – У вас здесь, поди, уже привидения завелись.

– Почему «завелись», – насмешливо отбил посыл мужчина, похожий на Черчилля. – Водится парочка, а как же без них, родимых. Ради них и покупал остров.

Люди рассмеялись: кто коротко и дробно, кто громко и искренне, а кто – лишь усмехнулся криво то ли шутке, то ли

СВОИМ МЫСЛЯМ.

Остров назывался Свято Мандич, находился в Черногорском муниципалитете Будва и площадь имел 4,8 квадратных километров. На нем действовал когда-то небольшой монастырь, основанный на острове в 19 веке монахом-капуцином Богданом Мандичем. Принявший имя Леопольд, святой отец трудился на ниве объединения двух церквей: католической и православной, неся свой труд экумениста и исповедника сначала в Падуе, потом на своей родине в Херцег-Нови, где и основал монастырь на месте старой церкви. Его слава пастора, способного утешить страждущего, привлекала к нему множество паломников. Во Вторую Мировую войну монастырь сильно пострадал от бомбежки. Уцелела только келья самого настоятеля, что и стало для почитателей монаха доказательством его святости. После войны древнее здание восстановили и отдали под музей животного мира Адриатики, но в конце 80-х, во время всеобщего развала и выяснения отношений, он захирел. Только в начале нулевых здание монастыря заново отреставрировали и разместили на острове клуб любителей дайвинга под названием: «ИГРЫ ПОД ВОДОЙ».

Клуб действовал недолго. Его закрыли, здание передавали из рук в руки, пока землю на острове вместе с постройками не купил «гражданин мира», бизнесмен и страстный любитель дайвинга, такой же таинственный, как подводные глубины. Его граждане Черногории не знали даже в лицо. Этот

бизнесмен, в силу своей большой занятости, общался с властями через своего представителя. На остров летал на собственном вертолете. В общем вел жизнь обычного олигарха, который считает окружающий мир простым муравейником.

Но мир существовал вне зависимости от отношения к нему. И он посылал волны, напоминавшие о жизни вокруг любой великой персоны. Эти волны разбивались о скалистый берег острова, забрызгивали окна, выходящие на море и говорили: мы тут, вечные и нетленные. И не смейте считать нас простой водой. Мы – это жизнь и смерть в каждой нашей соленой капле.

Придет время, и человек поймет, что значат эти слова для него лично.

Мужчины, все восемь, разошлись по своим комнатам, переоделись и спустя двадцать минут стали снова собираться в одной, большой комнате на втором этаже, служившей когда-то трапезной в монастыре.

Мрачная, с округлыми окнами-бойницами, ее не освежали даже голубые обои, розовый потолок и сине-красный тон мебели.

Легкие бледно-розовые занавески из совершенно прозрачной кисеи колыхались волнами, когда, первым, в комнату вошел хозяин, тот самый невысокий толстяк, похожий на Уинстона Черчилля. Сейчас он был одет в светло-серые брюки и бежевую рубашку навывпуск. Из-за жары на ней было застёгнуто всего три пуговицы посередине, обнажая се-

дые бараньи кучеряшки на заплывшей жиром груди. На голове его волосы сохранили свой каштановый оттенок лишь посередине, виски и затылок совсем поседели. Усевшись в глубокое кожаное кресло, мужчина небрежным жестом бросил на столик свой телефон, откинулся назад и прикрыл глаза рукой, ожидая.

Был он сыном партийного функционера времен СССР в масштабах области. Родился в Запорожье, но потом отца перевели в Харьков. Закончил экономический факультет в ЛГУ. Работать остался в Ленинградском горкоме комсомола, откуда был направлен в Краснознаменный институт КГБ СССР. Активно поддержал Горбачева в его перестройке, потом Ельцина, в его переменах, потом Путина в его «поднятии России с колен». Между делом защитил докторскую диссертацию по теме «Функционирование мирового финансового рынка в контексте проблем регионального и мирового развития». Он оставался на гребне волны всегда и везде. И, где-то между делом, он получил неплохой капитал, который для постороннего глаза походил на айсберг: видна была только его верхушка. И даже верхушка, после его переезда в Европу, выглядела неплохо.

Этот коммунист, финансист, чекист и владелец газет и телеканалов, можно сказать, не нуждался в карманных деньгах на мелкие приятные покупки. Но был ли он реальным хозяином того, что принадлежало ему юридически?

На айсберг походила и его жизнь. Поэтому даже не стоит пытаться проследить ее дальше нашего острова.

Но «богатые тоже плачут». Сейчас вид у нашего героя был невеселый. Да и дело ему предстояло трудное и неприятное. Вот он и сидел, держась за голову, думал и ждал. Если представить гостей «Игр под водой» симфоническим оркестром, хозяин острова был в нем дирижером.

Вторым в комнату вошел атлетически сложенный мужчина с черными, как смоль, волосами. Рост его был метр семьдесят пять, глаза темно-карие и жгучие, как у цыгана. В жилах его текла горячая кровь, а в голове был холодный, трезвый ум. Все это помогло ему сделать головокружительную карьеру, когда он, никому не известный приезжий парень вдруг возник, словно ниоткуда в окружении мэра Собчака в 90-х годах. Начал с работы в охране мэра, потом занялся собственным бизнесом, потом снова перешел на госслужбу, но уже в Москве. Сейчас он занимал должность советника Президента и продолжалось это уже несколько лет. В роду у него были и кавказцы, и сотрудники спецслужб. В жизни он привык играть первую скрипку.

В личном общении проявлял задатки лидера, имел неплохую харизму и мог найти подход к любому собеседни-

ку, чаще всего потому, что заранее имел о нем информацию. Он участвовал в самых щекотливых делах и «разруливал» самые сложные ситуации. Сейчас, после морского купания и напряженной спортивной игры, он был бодр и доволен собой и миром. Никаких трудных дел не существовало для него.

Спортивный брюнет присел в глубокое кресло напротив хозяина, подвинул к себе ящик с сигаретами, достал одну и взял со стола зажигалку.

– Долго собираются наши друзья, – сказал он тоном, каким разговаривают с близким единомышленником. Чаще всего такое обращение подкупало.

Но хозяин дачи был не из тех, кого легко расположить. Он лишь на короткое время отнял руку от лица, вяло кивнул и снова оперся в ладонь лбом.

Брюнет был частым гостем в этом доме и вел себя по-хозяйски, к тому же это была его манера общения. Он закурил, небрежно кинул зажигалку на столик и откинулся к спинке кресла, мельком следя за всеми движениями хозяина.

– Наверняка гардеробом занимаются без слуг, – бросил он еще один шар.

Хозяин удивленно отнял руку и взглянул на собеседника.

– Не понял?

– Помнишь у Лопе де Вега? На слова графа о том, что «слуги одеваются дольше хозяев», Фигаро ответил: «Ну, у нас же нет слуг, которые бы нам помогали».

Хозяин натужно рассмеялся, а гость, довольный собой,

глубоко затянулся и пустил к потолку со старинной лепкой мутное облачко табачного дыма.

– Да, они не торопятся, – через силу пробормотал хозяин.

– Ничего, сейчас сползутся. Все будет тип-топ.

Хозяин только чуть кивнул полуопущенной головой.

И тут вошёл еще один гость. Сравнительно высокий шатен. Спортивной фигурой он был похож на вошедшего раньше кавказца, но тип лица у него был совсем другой, скорее арийский. Удлиненное, овальное и узкое, с низким лбом и длинным тонким прямым носом, оно оканчивалось небольшим заостренным подбородком, мужественно выдающимся вперед. Губы тонкие, с характерной линией могли характеризовать их обладателя, как хладнокровного циника. В оркестре его голос можно было приравнять к контрабасу – и не только из-за его профессии.

Он был строен и подтянут даже в летнем спортивном костюме.

Потомственный военный, получивший второе высшее образование в Академии генерального штаба ВС РФ с многолетним стажем службы при генштабе, сейчас он представлял собой Военно-промышленный комплекс и генералитет России. И, вдобавок ко всему, он был мальтийским рыцарем и кавалером Ордена Заслуг, получив эту награду еще до принятия в ряды братства.

Небрежно и с хрипотцой бросив сидевшим:

– Что, не все в сборе? – он брякнулся в свободное кресло

и откинулся на спинку.

Он не курил, хотя любил побаловать себя рюмкой хорошего коньяка. Другие сорта алкоголя он не признавал, считая их пойлом для быдла.

– Надеюсь, скоро подойдут, – ответил ему черноволосый атлет. – Вот и еще кто-то...

И вслед за этими словами в двери оказался невысокий толстяк, похожий на успешного бизнесхоббита. Бизнес, который этот Хоббит представлял, был очень успешный. Само понятие «Газпром» сводит с ума неосведомленных и не озвучивает даже малой части его интересов и влияния.

– Явление Христа народу, – ухмыльнулся брюнет, картинно выпуская дым колечками.

– Можно и поспешить, – недовольно подхватил и шатен, по привычке взглянув на часы.

– Принимал ванну, – тонким голосом ответил толстяк и очень аккуратно присел на диван, словно боялся потревожить свой обильный живот.

Но несмотря на всю комплекцию и видимую вялость, он был отличный спортсмен, плавал, как рыба. В жизни он был нетороплив и основателен. Внешностью и повадками походил на перекормленного французского бульдога. В собравшейся на даче компании он играл тридцатую трубу в оркестре, но имел маленький шантажный рычажок, которым успешно пользовался в большой политике. Сюда он приехал заработать очередной миллион и готов был драться за него

со всем миром. Если бы ему в голову и на самом деле пришла блажь играть в оркестре, он бы выбрал что-нибудь смешное и непонятное, вроде треугольников или тарелок.

Ходили сплетни, что он был гомосексуалистом, но собравшихся здесь мужчин в данный момент мало интересовала его сексуальная ориентация.

Как всегда, в помещении, где собирается компания не совсем единомышленников, но настроенных на одну цель людей, мужчины стали обмениваться короткими, ничего не значащими фразами, выжидая. Не хватало еще четверых гостей.

Шатен поднялся и неторопливо направился к бару.

– Мне тоже прихватите рюмашечку нашей, родимой, – в затылок ему бросил Хоббит своим тонким голосом.

– Ок, – кратко, не оборачиваясь, откликнулся шатен.

И тут в дверном проеме появился пятый гость. Урожденный тиронец, он был шире в плечах и ниже ростом шатена, но выше Хоббита и хозяина. Приятная внешность сто процентного арийца у этого человека сочеталась с понимающим и вдумчивым взглядом. Профессиональный политик, юрист по образованию, он начинал классически: в 70-х был лидером «Молодых социалистов». Потом он повзрослел и вошел в президиум СДПГ, социал-демократической партии – одной из двух крупнейших партий Германии, созданной еще в XIX веке Фердинандом Лассалем как Всеобщий германский рабочий союз. Но XX век потерял те идеалы и та-

ких идеологов. Наш тиролец слегка занимался научной деятельностью, ровно столько, чтобы стать одним из немногих иностранных членов Российской Академии Наук. И намного больше – бизнесом, являясь членом совета директоров «Газпрома». Так что они с Хоббитом были коллеги, но особую любовь друг к другу из-за этого не испытывали. Его хобби было изящным и возвышенным – он любил играть на кларнете: при луне в своем родовом замке, купленном лет пять назад.

Бегло оглядев ожидающих, он слегка кивнул всем и направился прямо к бару.

– А остальные что, заснули? Час сиесты? – недовольно проговорил Хоббит, ожидая свою «рюмашечку».

Но шатен начал вполголоса разговор с только что вошедшем тирольцем и не спешил выполнить его просьбу.

Брюнет склонился к хозяину и прошептал насмешливо, стряхивая пепел в мраморную тяжелую пепельницу:

– Наши рыцари.

Хозяин лишь криво ухмыльнулся.

Тиролец тоже был членом мальтийского ордена, и даже имел награду: Крест *Мальтийского ордена Святого Иоанна Иерусалимского императрицы Марии Фёдоровны*. Оба рыцаря носили одинаковое звание бальи – кавалера Большого креста чести и преданности.

Двое задержавшихся гостей вошли одновременно тогда, когда наконец шатен передавал Хоббиту долгожданную «рю-

машечку».

Они, один за другим, переступили порог и первый из них сказал:

– Что, все уже в сборе? Мы всех задержали?

Это был потомственный казак, потому что казаком он стал потом, после того, как вылетел из МВД, проворовавшись по мелочи. На пару с сослуживцем украл вещдоки преступления, золотые украшения, изъятые у преступника, заменив их на бижутерию из ближайшей галантереи. Но его сдал напарник, сам отделавшись за это легким испугом.

И наш герой бежал. Помаявшись на вольных хлебах полгода, он встретился с красноносым атаманом местных «казачков» – алкашей-маргиналов. Тот, видя перед собой справно-го мента – «товарища майора», – тут же выправил беглому погоны «войскового старшины» – подполковника, и должность «заместителя атамана станицы Донецкой по связи с общественностью и СМИ».

В новорожденном «непризнанном государстве» ДНР он стал практически вторым человеком после «тракториста» – бывшего комсомольского активиста одного из донецких горно-обогатительных комбинатов, прошедшего подготовку в «молодежных» общественных организациях движения «Наши» и «Селигер».

Он часто появлялся на фотографиях, у него брали интервью и писали репортажи. Сейчас, без привычной «горки», он выглядел очень мирно и обыденно. Больше походил на

доброе дядюшку, только что вернувшегося с покоса, что, конечно, никак не вписывалось в общую картину современной элиты. Среди собравшихся здесь, именно он осуществлял игру на грубых ударных. Это были малые барабаны. По-ка. Но в будущем он рассчитывал перейти к барабанам большим.

Садясь в свободное кресло, псевдоказак аккуратно подтянул спортивные штаны.

Шедший за ним, его товарищ оглянулся и попятился к дивану. Он был новичком в компании, и внутреннее напряжение выдавали его нервные жесты. Сев в свободный угол, человек начал поглаживать брюки, потом сцепил руки на коленях и тут же расцепил пальцы, крутя часы и вращая металлических браслет вокруг запястья. Этот человек впервые представлял интересы ЛНР, приехал вместо другого, проверенного активиста. Житель Луганска, он просто воевал в ополчении, продвинулся в комбаты. Среднего роста, крепко сложенный и загорелый не ровным красивым морским загаром, а тем, который получают, работая на открытом воздухе, с узловатыми руками слесаря, он сильно отличался от собравшихся тут мужчин.

В наш оркестр он не вписывался, от слова совсем. В четырнадцатом году был идеалистом и упоротым приверженцем «русского мира». Постепенно начал прозревать, в чем боялся признаться даже себе.

Некоторые из гостей курили, и он тоже полез в карман за

пачкой «Примы-ностальгии» с портретом Сталина под прозрачной оберткой. Эту пачку, как сувенир из Донецка, подарил ему представитель ДНР.

Большинство присутствующих подавили усмешки. Но зато теперь мужчине было чем заняться, разбираясь с сигаретами и спичками.

– Начнем? – спросил Хоббит, выпрямляясь на диване и подаваясь вперед.

– Нужно подождать этого короля в изгнании, – насмешливо проговорил брюнет.

– Не короля, только замминистра, – тем же тоном вставил шатен. – Не плохо бы его поторопить.

Хозяин посмотрел на него, кивнул и взял со столика телефон.

Набрав цифры, он откинулся назад, прикладывая телефон к уху. Гудки, слышные в помещении смолкли, и хозяин очень тихо что-то сказал и отвел руку от уха.

– Сейчас, идет, – громче прокомментировал он и оставив телефон в руке и согнувшись над ним, стал нажимать на экран, рассматривая свои записи.

– Надеюсь, когда-нибудь дойдет, – буркнул шатен, отгораживаясь от всех ладонью.

Он так и остался сидеть, опираясь лбом в пальцы, а локтем в подлокотник своего глубокого, как омут, кресла.

Представитель ЛНР, жуя зубами не раскуренную сигарету, дергал себя за короткие волосы и поглаживал легкую

небритость подбородка. Спички таинственно исчезли из его рук, и он сам вряд ли бы припомнил, куда их дел.

И тут на пороге появился последний гость. Это был молодой мужчина под шестьдесят. Одно время он был широко известным членом парламента, о котором в последние годы немного забыли. Постепенно выдвинутый от большой кормушки окружением Порошенко, он вынужден был вернуться к Януковичу и хлопотать по его делам.

Эти хлопоты и привели нашего «замминистра в изгнании» на дачу «Игры под водой». Теперь он стоял на пороге, бегло оглядывал комнату и размышлял. Все складывалось удачно для его миссии и более чем удачно для дальнейшей жизни.

Его жена играла немного на электровиоле, а он любил ее слушать. Это все, что можно сказать о его отношении к нашему оркестру.

– Ну, господа, начнем, – начал он хорошо поставленным голосом диктора или председателя Законодательного Собрания. Потом откашлялся, из чего было видно, что он все-таки нервничал. – Для начала, я бы хотел всем передать слова огромной благодарности моего правительства за понимание, братскую помощь и взаимодействие. Если мы до конца пойдем рука об руку, то....

– Неужели, вы еще надеетесь, что вернетесь во власть? – насмешливо приподнял жгучие брови Горец.

– Почему бы и нет. Перейдем ваш опыт, – даже без намека

на шутку или сарказм, ответит Изгнанник.

– Мы не сдавали позиции и не удирали, – медленно, низким голосом, бросил Военный.

Любой вечерний пустозвон с центрального телевидения умер бы от зависти, едва услышав эти несколько слов.

– Ну, у вас же не было таких советчиков, как вы сами, – отбил мяч Изгнанник. – Я, между прочим, тогда еще говорил Виктору Федоровичу, чтобы поменьше слушал. Вам нужен был Крым, вот вы и замутили...

– Вот по Крыму, не будем. Крым наш, и это не обсуждается.

Люди, достигшие высот власти и материального благополучия, всегда избалованны и крайне эгоистичны. Они решают судьбы простых граждан, копошащихся на своих огородах, спешащих на работу, идущих в храм на Пасху или в пивную с друзьями, после бани, играющих свадьбы и растящих детей...

Они передвигают шахматные фигуры на доске, а на головы этих граждан летят бомбы и снаряды. И их разрывает на части. Но кого это волнует. Просто идет увлекательный шахматный турнир.

Каждый из присутствующих на этом острове – игрок. Музыкальный инструмент в симфоническом оркестре. Не более того. И даже дирижер был в нем не самым главным. Главными были те, кто писал ноты и заказывал музыку. Именно они-то и сидят сейчас за шахматной доской и слушают при-

глушенное:

«Трам-та-та, тралила, тайрам-та-та...».

Это их расслабляет, умиляет и поднимает самооценку до небесных сфер.

– Я и не обсуждаю, я просто констатирую. Лучше нас вас никто на Украине не поддержит. На артиста не рассчитывайте, – продолжил разговор «замминистра в изгнании».

– Мы всегда рассчитываем только сами на себя.

– Раз Крым вспомнили, что будет с Новороссией? – неожиданно выдал представитель ЛНР, став еще больше похожим на слесаря, который неожиданно решил поспорить с самим мэром.

– Что будет? – насмешливо вставил горец. – Вернетесь на неньку Батьковщину, ридну Витчизну или Спадщину.

– Не шутите так.

– Мы тут все серьезные люди...

– Не переживайте, – с легким немецким акцентом, вставил Тиролец. – Хуже вам уже не будет...

– Да успокойся, – бросил казак с раздражением. – Сиди тихо.

И тут вдруг поднялся маленький Хоббит.

– Господа, господа, – начал он торопливо, глотая целые слоги. – Меня очень интересует этот вопрос. Война же не закончится? Мы же об этом не договаривались?

– Нет, конечно, – ответил Военный, голос которого стал немного выше. – Мое ведомство только восстановило поток

снарядов для вашего вооружения. Это те самые, с производства сняты, так что единственный сбыт – в вашу Недороссию.

Слесарь вздрогнул всем телом, но проглотил реплику, переводя взгляд с одного на другого.

– Если прекратится война, вся наша схема с северными потоками полетит в тартар, – взволнованно перебил Хоббит. – Мы потеряем кучу бабла, а вы – рычаги давления. Так что – мы в одной связки.

– Да кто же спорит, – покладисто согласился Военный.

– И вообще, господа, мы ведь одна команда. Только тесно сплоченные общими целями люди могут... – Изгнанник споткнулся и закашлялся. Его никто не перебил. И тогда он продолжил. – Ну, и у моей семьи есть финансовая заинтересованность в ВПК, не скрою. Если все пойдет по-прежнему, мы выиграем избирательную компанию и еще и останемся при хороших деньгах.

– При хороших деньгах мы все, спасибо девальвации, – усмехнулся Военный. – Особенно вот эти господа, – он снисходительно и пренебрежительно кивнул на Хоббита.

– Не все так гладко. Не все, к сожалению. Малейшее изменение в политическом раскладе, если это выйдет из-под контроля, может пребольно ударить по финансам нас всех, господа. Так что – обещайте вождю посмертную славу и живые фанфары, но держите вожжи. Иначе понесется и разнесет все в щепки.

– Держим, не волнуйтесь.

Горец, словно потягиваясь, протянул руку и поставил рюмку на столик.

– Помните же песню: ему покажешь медный грош и делай с ним, что хошь.

– И грош, и два и сотню покажите. Понастройте памятников в лавровом венке и тоге – главное, чтобы все продолжалось.

– Да не волнуйтесь вы так. Мы же тоже в деле. Крым даст нам большой козырь и звание объединителей земель русских.

– Но Новороссия – тоже русская земля, – опять ляпнул мгновенно Слесарь.

– Дружище, – выпрямил спину и посмотрел на него свысока горец. – Во-первых вас пригласили сюда без права голоса. А во-вторых, вы слишком дословно все понимаете. Уймись уже со своей землей.

– Я вам не дружище!

– А кто? Тебе определение «братец» – больше подходит?

– П...

Слесарь вскочил, Горца как пружиной подкинуло. Тиролец и Черчилль отреагировали, когда эти двое уже сцепились друг с другом, готовые порвать глотки.

Казак оказался между ними первым. Но тут же отлетел от толчка своего земляка.

Хозяин и Тиролец схватили их – каждый того, кто был к

нему ближе. Казак встал между ними. И комнату так плотно заполнил мат, что стало нечем дышать. Даже горец изменил своей привычке выражаться вежливо.

В комнату забежали двое охранников. Тогда только хозяин поднялся из своего кресла.

– Уведите этого, – он показал на Слесаря. – Пусть остынет.

И только когда здоровяка-луганца вытолкали из комнаты, все вздохнули спокойно.

– Где вы его откопали? – раздраженно спросил Военный, почему-то оставшийся на своем месте, как и невысокие, рыхлые: Черчилль, Хоббит и изгнанник.

– Да Палыча не вовремя прихватило, – буркнул казак, все еще разгоряченный и красный.

Дышали все тяжело и часто откашливались.

Слесаря вывели в большой холл. Тут все остановились и полезли в карманы за сигаретами. Слесарь в своих карманах обнаружил только носовой платок. Охранники угостили его сигаретой и дали прикурить.

– Пожалуйста, пройдите или к себе в комнату, или за дверь. А то нас накажут, – сказал один из охранников.

– Без проблем, ребята, не хочу, чтобы вы получили из-за меня.

Слесарь поднял к груди обе ладони, показывая, что настроен мирно и повернулся уже уходить, как сзади его окрикнули:

– Костя.

Слесарь повернулся, недоумевая.

– Привет, Костян! – к нему из небольшой комнаты в коридоре шел высокий мужчина в форме охранника.

Слесарь замер на секунду.

– Никита, ты? Откуда? Как тут оказался? Как докатился до такой жизни?

Старые товарищи обнялись, смеясь.

– Да вот, катился и докатился.

– Ты же вроде в Москве жил.

– Вроде там, вроде тут.

– Понятно.

– Ты что там набедокурил?

– Да, в рожу вмазал одному гаденышу. По-нашему, по литейному. А что он думал, все проглотят? Для них мы – разменная монета. Третий сорт.

– Ладно, остынь. Иди, прими душ, легче станет. Иди, иди.

Никита все с усилием, но мягко разворачивал Костю, тот поддавался с трудом. Наконец Никита подвел своего старого друга к лестнице.

– Ну, давай, иди же. Остынешь, поймешь. Кстати, тот, кому ты припечатал, это советник президента, если что.

– Да мне похрен.

– Ладно, ладно, иди. Разгорячился тут...

Костя согласно кивнул, вздохнул, пробормотал устало:

– Так довели... – и грузно поднял ногу на ступеньку. – Я

и правда пойду. Попробую все обдумать.

Костя уже быстро и раздраженно поднялся вверх по лестнице.

Купался он долго, вылил на себя, казалось, несколько бушелей ледяной воды, пока работа рассудка не замедлилась, как в старой кинохронике.

Потом он вышел из душа и крепко, до красноты, растерся полотенцем.

Вроде бы стало легче на душе. А то так сдавило, словно и правда положили камень на грудь.

Костя сел в глубокое и широкое, с красной обивкой, кресло, хотел развалиться в нем, но тут же выпрямился. Он и наедине с собой оставался таким же непоседливым. Потянувшись к столику, Костя взял с него сигареты, уже свои, российские, купленные в родном Луганске.

Думать не хотелось: зачем снова себя накручивать.

Костя закурил и откинулся назад. Кресло было удивительно спокойным, мягкость его обволакивала и баюкала. Пуская дым к низкому лепному потолку, Костя прикрыл веки, стараясь вспомнить что-нибудь приятно. Вкусный борщ или красивая женщина в его постели – как раз бы помогли ему расслабиться и успокоиться. Но в ЛНР давно уже ничего приятного не наблюдалось. Кроме пустых полуразрушенных от взрывов и бесхозности деревянных домов и вырытых окопов. По крайней мере, для него. Но кто-то неплохо устроился и в этом аду. Например, его отдаленно знакомый казак

из Донецка, который и был главным инициатором того, что в последнюю секунду отправили в Черногорию его, Костю, представителем ЛНР.

Его убедили, что от этого зависит их будущее. Он будущее представлял не так.

В этом году ему исполнилось 54 года. Он застал времена СССР и ту неразбериху, в которой все погрязли после его развала. На литейном перестали платить зарплату. Виновата, конечно, была Украина. А то, что в России было то же самое, его не смущало.

Украина была виновата в развале самой стабильной страны в мире. То, что РСФСР вышла из Союза первой, или точнее, второй – опять никого не смутило.

Донбасс рванулся к России. Зачем? Он и сам плохо понимал. Вроде бы, там жилось лучше. Да, точно, но никто не задумывался, что так было только в Москве и Питере. А в глубинках, таких, как этот регион, шоколадом была намазана далеко не каждая булочка.

Просто были слухи. Откуда они шли, мало кто понимал. Но они шли, начиная с 91 года. Жители Донбасса чутко прислушивались к ним.

Лихие девяностые были на Донбассе вдвойне лихими. Нувориши девяностых, бывшие шахтеры и металлурги, шутить не умели. Кровавый передел бизнеса происходил каждые пару лет.

Большинству донбассовцев жилось плохо. И естественно,

Киев виноват был во всем. И самый ярый враг для русской души – стал Бандера, человек, умерший тридцать лет назад.

Все как-то дружно забыли, что шахтеры Донбасса в 1989 году кричали, как один: «Хватит кормить Москву».

Слухи, слухи. Их, как детские самолетика из бумаги, пускала чья-то точная рука. Костя вырос и возмужал на них, что доказывает и то, что начались они задолго до девяностых годов, и до самой независимости тоже. Шахтерско-металлургический край был ими буквально напичкан. Но глотал все.

В России-матушке – было жить хорошо, в Киеве – плохо. Это уже знал каждый ребенок, ведомый мамой в детский садик и держащий в кулаке бутылочку «Агуши». Это знали школьники, особенно те, кто планировал поступать в вузы России. Кто хотел найти там работу. Кто хотел как-то улучшить свою жизнь.

В ноябре 2013 году вообще началось веселье. Из Киева приходили вести о революции. Движение Евромайдана потребовало отставки правительства и выборы Народной Рады. Кажется, Донбасс должен был быть в первых рядах этого движения. Но – не срослось, почему: много факторов. Один из которых был тот, что Янукович был выдвигенец Донецкой области.

В Киеве правоохранители открыли огонь по митингующим, погибли больше ста человек. Но украинцы были уже людьми пуганными. Это их не остановило. В итоге: правительство ушло в отставку, а Янукович просто сбежал в со-

предельную страну. Почему именно в Россию? В суде задали и этот интересный вопрос, в числе других. Таких, например, как: кто стрелял в людей с крыш ближайших домов. В итоге суд признал виновными 46 сотрудников «Беркута». Януковича заочно осудили на 13 лет.

И тут Донбасс вспомнил, что, исторически, никакого отношения к Западной Украине не имел. Это опять пришло извне. Наверное, даже раньше, чем развалился Союз. Сначала это выражалось, как противостояние между Востоком республики и Западом. Запад помнил о голодоморе. Большинство жителей Востока переехали туда после него. Восток был за красных. Запад – даже не за белых. Он просто хотел, чтобы от него все отстали. Сталин собрал их в одну страну. Независимость им всем дал Ельцин. И если Запад встретил ее радостно, Восток замер в ожидании.

И вот тут появились слухи.

Их было много. Большинство мы тут перечислили. Каждый уже на месте добавлял к ним свои.

Бандера бандит, Бандера убийца. В СМИ появились ложные новости, или фейки, как говорят сейчас. Молодые люди с факелами напугали жителей Востока. И тут появился главный слух. Их хотят лишить русского языка. Они все, как один, забыли, что знают украинский, как второй родной. Но первым должен быть русский! Разумеется, Украина должна быть русскоговорящей.

И русский язык в стране стал средством политического

давления.

Донбасс, как и Крым, страшно обидело то, что у русского языка хотели отнять статус регионального языка. Статус так и не отняли, хотя на мнение донбассовцев это никак не повлияло.

И они устроили настоящую Русскую Весну. В тот год был исключительно высокий урожай маков и конопли.

Люди нашли причину всех своих бед: это были бандеровцы, укропы и свидомые. Янукович оказался с ними одной крови. Движения Евромайдана стало их врагом. И те же шахтеры и металлурги, которые еще недавно кричали: долой Раду, вдруг страшно полюбили свергнутого президента. Логика в этом не было совершенно. Но они-то понимали, что на Майдане задето их святое: русский язык.

И тут в Славянск пришел господин Стрелков-Гиркин, перед этим побывавший в Крыму. Это был интересный рейд, наверное, он войдет в историю, как хорошо выполненная военная операция. Правда Стрелков задержался в Славянске не долго. Его просто смело огнем ВСУ.

Но при этом были обстреляны жилые кварталы. И цель была достигнута. Горчичное семя – посеяно и стало быстро расти.

Вот тут Костя и вступил на скользкий путь. Ему было уже под полсотни, и он был видным человеком на заводе. Но в Луганске жила его троюродная сестра, про которую он и вспоминал-то редко. А тут увидел ее имя среди погибших.

Это и решило все. Он оказался среди ополченцев и выбрал себе позывной «Циклоп». Каждый день на передовой усиливал взаимные претензии.

Гибли мирные жители. Но с этой стороны окопов видели только своих. Аллея Ангелов появилась, как укор другой стороне. И Костя громко высказался на ближайшем митинге, что все эти Ангелы оставили рубцы на его сердце, то есть появилось на его сердце двести рубцов, с чем он сейчас и живет.

С тех пор у него и «родился» имидж сильного оратора.

А он продолжал воевать. Воевал честно. Если вообще два этих слова совместимы. Убивал, не думая, того, кто сидел в другом, «не нашем», окопе. Не стеснялся обирать трупы и брошенные дома. В короткие наезды домой, ночами кричал. На передовой спал крепко и редко. Все было как у всех.

И все шло по накатанной, пока главой Луганской народной республики не стал Леонид Пасечник.

Не сильно удивляйтесь, дорогие читатели. Но самый последний Первый Лорд ЛНР когда-то служил в СБУ. Да-да, совершенно верно, он был начальником подразделения по борьбе с контрабандой отдела "К" Управления СБУ в Луганской области, начальником Стахановского межрайонного отдела. Или, если сказать понятнее, отвечал за борьбу с контрабандой на украино-российской границе.

В августе 2006 года задержал партию контрабанды на КПП "Изварино" (почти на \$2 млн), причем от взятки

отказался, чем вызвал чувство дикого умиления у соотечественников. В марте 2007 года Пасечник был награжден президентом Ющенко медалью "За військову службу в Україні" с формулировкой "за проявленную принципиальность и профессионализм при проведении операции".

А в октябре 2014 года он стал "министром госбезопасности" в ЛНР. На сколько выдержали его принципы честного служения на этом посту – не знает никто. Не исключено, что и выдержали. Бывают же люди, кто крадут только миллион, а трахают только королеву.

Противостояния Пасечника и главы ЛНР – Плотницкого началось с расследования о махинациях министра топлива, энергетики и угольной промышленности Дмитрия Лямина. Пасечник отстранил Лямина, Плотницкий отстранил Пасечника. Потом обоих восстановили. Пляски вокруг майского шеста продолжались. Обычная история позиции и оппозиции. Те, кто пришли «во власть», проворовались. А те, кто хотят их заменить, их в этом обличают. На этом держится вся демократия в Европе и Америке. Но в Донбассе все было иначе. Тут не знали полумер. Тут, если уж воровали, то областями и заводами. А если боролись с воровством, то в ход шли мины и ракеты. Лучше, конечно, кассетные.

Костя, горя праведной яростью, поддержал борца с коррупцией. Значит – оказался в окопе Пасечника. А так как он на передовой командовал артиллерийской установкой, то есть был уже небольшой начальник, и за ним хвостом дви-

галась та злосчастливая слава оратора, он продвинулся в жизни, стал, после победы своего патрона, комбатом. Иногда, выпив, он хвастался, что Ленка предлагал ему быть министром обороны республики. Но так как трезвым он это не подтверждал, верить ему не следовало. Хотя, римляне, вроде бы, были другого мнения на этот счет.

Цель впереди была, вроде бы, благородная. Россия готова была встретить своих пасынков цветами и грантами. Костя представлял себя уже заседающим в Госдуме.

Но паспорт Российской Федерации получать не спешил. Семью он еще в 16 году отправил на Кубань, к дальней украинско-российской родне.

А оставшимся дома луганчанам было уже все равно, в какой стране они будут жить. Единственное, что их поддерживало, это ненависть к тем, кто стрелял в них с той, другой, стороны. Чтобы она не угасла, летом 2017 года заложили Аллею Ангелов и мемориал, на скорую руку сляпанный скульптором Виктором Горбулиным и архитектором Вячеславом Женеску.

Молодёжь учили сражаться и ненавидеть Украину.

Костя ненавидел, как и положено было делать тому, на кого равняется молодая смена. Россия (паспорт которой он пока не спешил получать, в отличии от его бойцов (!)) маячила во тьме далеким маяком.

Получать гражданство РФ на тех условиях было накладно. В паспорте нужна была российская прописка. Если карта

не ляжет, это могло только усугубить. Вот так и жил Циклоп, в миру Константин Архипов, стараясь балансировать и, кроме спасительного плана «А», держать в голове и «Б», и весь остальной алфавит.

Про искренность его суждений знал только Бог и он сам.

Но единственным путем к его дальнейшему благополучию была Луганская непризнанная республика. Естественно, это поддерживало его патриотизм к малой родине. Большой Родиной он считал СССР.

Он сидел в своем кресле и мял вторую по счету сигарету, когда в дверь вошел казак. У них было шапочное знакомство. Но с остальными не было и этого.

– Ну и кумарь у тебя. Ты что за бузу внизу устроил, кого гупать пытался? На гаплык набиваешься? – сказал по-своему казак, поддергивая штанины и плюхаясь во второе кресло, рядом. – Хватит народ кумарить.

Он по жизни очень активно пользовался сленгом приютившего его Донецка. Хотя не всегда к месту.

– И до чего там договорились? – спросил Костя.

– Да половина всего – порожняк.

– Что будет с нами со всеми?

Костя твердо знал, что возвращаться в Украину для него смертельно опасно. Потому как был уже года три на Миротворце.

– Как говорят в Одессе: не надо мою голову делать беременной за прекрасную жизнь. Махач продолжается, братан.

Он выгодный всем.

– Ты вообще мозгами шарить, что говоришь?

– А что? Только не нужно мне тут чигирями ходить. Будто ты там, в своем Луганске, ничего не надербанил под себя.

– Ты шарить, что говоришь? Люди устали. Гражданские вообще уже нас матерят матерными словами. После того, что все пережили, годы не отлыгать всем нам. Когда Россия нас возьмёт! Мы же сделали все, как крымчане. Мы уже поняли, что Донбасс – жертва, отданная за русский Крым. Но почему мы должны быть жертвой!? Мы хотим жить нормально!

– Тебе это шибко надо? Ты в системе новенький, я полагаю. Скажу сейчас прописные истины. По Крыму вот что скажу: видел всё своими глазами. Изнутри. Вербовщики для войны на Украине, – он так и сказал, выделив это «ай» ударением, – появились ещё летом тринадцатого года, я тогда на Кубани обитался. А военная техника и войска двинулись туда в декабре. Ещё до Майдана. И учения по бомбардировке авиацией и градами «неизвестных территорий» проводились ещё в двенадцатом году. Под Оренбургом и Челябинском.... Америкосы даже не поняли, каким боком их вдруг принялись обвинять.... За два дня такое количество войск в Крым не впихнуть, и это плюс к местным морпехам. И армия была развернута вдоль украинской границы ещё осенью и зимой тринадцатого-четырнадцатого. И за Майданом стоит Москва, а не Вашингтон. Москве крайне необходима была причина для агрессии. И она была ею создана. Отрежес-

сирована от первого, до последнего акта. Правый сектор появился ниоткуда, их никто не знал... Настоящим был Сашка Белый, да ещё несколько людей из УНА-УНСО, но их убрали. Быстро и без лишнего шума... И помнишь еще по Приднестровью: если бы туда казаков не отправили – уже отпилили бы себе казачью республику. Видишь, какой нужный отток внутренней агрессии. Дело в том, что если казаки получают республику, то вся Россия разваливается сразу же, из-за местоположения Казаккии. А сейчас казаков поубивали, реестром разбавили – и все как надо. Вот такие пироги и пекутся в Кремле. И процесс в самом разгаре. Так что на быстрый конец не рассчитывай.

– Что же теперь будет с нами? Что предлагаешь ты?

– Я им предложил. Ты вышел и ничего не услышал.

– Просто расскажи, на чем порешили?

– Скажу, и тебе захочется... – казак рассмеялся. – Ладно, скажу. Мы там немного помудохали. В общем, нас чутка поддерживают и дальше.

– Чутка?

– Нас бы давно взяли, братуха. Что не удалось, то не удалось. Что-то пошло не так и получилось, что получилось. Укропы в нас зубами вцепились. Главное тут, чтобы к нам тугрики продолжали идти. И мясо свежее.

– С этим все ясно. У меня вот чуйка работает – что все это продлится еще очень долго.

– Так не подвело... – казак хихикнул. – Это и многих

укропов устраивает, кто побогаче и поумнее. Война, братка, она всем выгодна. Это она тем – война, а нам она, как мать родна.

Костя крепко протер лицо. Кидаться на казака ему не хотелось. И вообще ему уже ничего не хотелось.

– Ладно, Сань, ты иди. Я прилягу. Поспать хочу, что-то ночью плохо спалось перед встречей. В общем, напрасно даже летел сюда. Зря все. Я не на такое рассчитывал.

– А на что ты рассчитывал?

– Что войдем в Россию, проведем выборы. И жизнь наладится...

– А мы с тобой окажемся в Госдуме, – засмеявшись, закончил Казак. – Ну, не срослось, бывает. Будем и дальше бороться. Пока будем, как Приднестровье, непризнанной территорией. Не подфартило, братуха, бандерлоги весь кайф сломали. «Врагу не сдается наш красный Донбасс»! А кто не прыгает, те – укры, – Казак засмеялся еще громче, поднялся и направился к двери. – Отдыхай и не забивая голову. Главное, мы боремся и не по-детски ложим врага!

– Ложим, – повторил в тон Костя, тоже поднимаясь. – Ты там дверь прикрой за собой.

– Ок, – откликнулся Казак и быстро вышел в коридор.

Косте показалось, что он хлопнул дверью немного обиженно. Но это была уже не его проблема. Он и правда хотел лечь и просто заснуть. Чтобы во сне перемололись все проблемы. Обычно перемолоть их помогала выпивка, но где на

острове найдешь вино-водочный магазин. А идти искать алкоголь у хозяина Косте не хотелось. Он лег на кровать поверх покрывала и положил согнутую руку на лоб, чтобы прикрыться от света, который пробивался сквозь прозрачные занавески. «Мог бы и жалюзи поставить по-современному», – подумал Костя, уходя в мир мыслей и дремотных образов.

Но крепко провалиться в мир забвения ему не удалось. Вздрогнув всем телом от образа далекого взрыва, он вернулся в настоящее, ощутил себя лежащим в той же позе на той же кровати и открыл глаза. Сна, как говорится, не было ни в одном глазу. Даже лежать уже не хотелось. Ну что за привычка появилась у него с передовой. Хоть на телефон записывай звук обстрела и спи под него.

Еще немного, и он получит посттравматический синдром в полной мере. Он уже чувствовал в себе желание, когда что-то сильно его раздражало, взять автомат и пустить очередь веером, словно он был окружен укропами.

Встав, и слегка размяв мышцы, он потянулся за пачкой, закурил и вышел из комнаты. Вспомнив, что у него в этом гадюшнике есть старый добрый знакомый, он пошел к лестнице.

Спустившись вниз, и пройдя по пустому коридору, он подошел к знакомой двери и толкнул ее. Рука уперлась в твердую преграду – заперто. Потрогав ручку для очистки совести, Костя повернулся уходить, но тут за дверью пробудилась жизнь. Щелкнул замок, и дверь распахнулась.

– Ты что ли? – Никита стоял за порогом и протира­ л крас­ ные глаза. – Я там прикемарил чуток, входи.

Он попятился, пропуская товарища и закрыл за ним дверь, шелкнув замком позади Кости.

Тот от неожиданности вздрогнул и обернулся.

– Чтобы не лезли никто, – пояснил Никита. – У меня законный перерыв.

– Тогда отдыхай, я пойду, – сказал Костя, наткнувшись взглядом на диван с валяющейся курткой в глубине комнаты.

– Да нет, я уже отдохнул. Вползай, поболтаем.

– Да меня расстроили сегодня. Хрень всякую наболтали. Я же говорил тебе уже.

– Это там что ли? – кивнул Никита на восточную стену, садясь на свой диван.

– Да.

– Интересно, что бы ты сказал, если бы все услышал.

– Да уж, предполагаю, – Костя плюхнулся на диван, откидываясь на его спинку так, что все под ним закрипело.

– А если реально послушать?

– Как?

– Есть запись на камеру.

– У тебя?

– Нет. Но я знаю, где. Мне и самому интересно. Пошли?

– Там – это где? Хозяин разрешает, что ли?

– Не смейся. Я просто подобрал ключ. Хочешь посмотреть? Кстати, можно переписать, у меня чип на шестнадцать

гигов. Может и сгодится в жизни.

– Ты думаешь, можно... Понял, спасибо. А нас тут не прослушивают?

– Прослушивают... Иди сюда.

Никита шагнул к столу и стулу у противоположной стены. Костя невольно подчинился и встал за спиной товарища, который присел на корточки.

– Глянь сюда. Видишь вот эту хренюшку. Я блочу фон и мой телефон и все жучки тут вне зоны доступа. Ну, хочешь посмотреть запись?

– Давай. Посмотрим, что можно сделать. А ты не боишься потерять работу?

– Эту-то. Да даром отдам, не жалко.

Никита сделал небрежный жест рукой и повернулся к двери.

– Главное, чтобы не убили еще за такое, – как-то не уверенно проговорил Костя. – Смотри, братан. Тут серьезные люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.